

УДК 930.85(47)(049.32)

Акопян К. З.

**ТРАГЕДИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, ИЛИ ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т.А.ПАРХОМЕНКО «КУЛЬТУРА БЕЗ ЦЕНЗУРЫ :
КУЛЬТУРА РОССИИ ОТ РЮРИКА ДО НАШИХ ДНЕЙ»**

Аннотация. Рецензия посвящена анализу монографии Т.А.Пархоменко. Отмечаются профессионализм, тщательность и последовательность, с которой автор рассматривает ключевые для русской / российской истории периоды, моменты и ситуации, привлекая для этого огромный фактический материал, в том числе — архивные документы. Содержание исследования подтверждает его соответствие как названию книги. Наиболее подробно автором рассматриваются вопросы, связанные с историей русской Церкви, развитием образования на Руси / в России, а также процесс возникновения и становления русской интеллигенции.

Ключевые слова: культура, русская культура, история культуры, история русского православия, российское образование, интеллигенция, русское искусство, советское искусство, культура русского зарубежья, антисоветская культура.

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой...

М. Лермонтов

*...Люди догадались выделить из государства
один только орган — цензуру,
для охраны порядка своего мира,
выражающегося в государственных формах.*

А. Блок

Вспоминая одну фразу из поэмы «Россия» Максимилиана Волошина — произведения, на мой взгляд, выдающегося и, пожалуй, уникального для русской культуры (И в мире нет истории страшней, / Безумней, чем история России...), я всегда считал, что выдающийся русский поэт-мыслитель в этой своей оценке перегнул палку (особенно если учитывать, что написана поэма была «всего лишь» в начале 1924 г.). Как мне кажется, ничуть не менее страшными и безумными на тот момент должны были бы в его глазах выглядеть истории Англии, Франции, Германии, Испании, Италии и многих других очень и не очень далеких от нас стран. Наверное, не трудно доказать, что в каждой из соответствующих историй довольно легко обнаруживаются более или менее многочисленные эпизоды, события и личности, в связи с воспоминаниями о которых порядочному и совестливому человеку приходится испытывать чувства стыда, боли, скорби.

Однако внимательное прочтение монументального исследования доктора исторических наук Татьяны Александровны Пархоменко подтолкнуло меня к мысли о том, что сделанный мной вывод является поверхностным или, как минимум, промежуточным. По справедливому замечанию автора, «всякая история в основе своей — это история культуры, история человека-творца и его творения, скрупулезный анализ во времени и пространстве разнообразных артефактов человеческого бытия, сохранявших и транслировавших культурную память ушедших эпох» [1]. И если историю России рассматривать именно как историю ее же культуры, при этом принимая во внимание тот факт, что последняя не существует вне и без человека, тогда ее, эту историю (в той же степени, что и историю любой другой страны), придется признать прежде всего историей человека-творца. И именно в приведенном только что высказывании, на мой взгляд, следует искать истоки стержневой идеи рецензируемой книги, присущего ей пафоса, а также смысловой направленности авторских рассуждений.

Для дальнейшего уточнения точки зрения исследователя, в соответствии с которой излагаемые им факты изучаются и интерпретируются, но ни в коем случае не ставятся на службу некоей заранее разработанной идеологии, приведу еще две цитаты из монографии.

Первая: «В русской истории человек, за исключением главы государства, представлялся лишь маленьким винтиком, о котором рассказывали, если он послужил Отечеству, и о котором не вспоминали или говорили мимоходом, если жизнь его проходила вне государственных интересов» [2]. К этому следует добавить, что с подобным подходом к оценке их собственных заслуг и их места в общественной жизни в подавляющем большинстве случаев были согласны не только многочисленные «маленькие винтики», то бишь представители народа, как известно, чаще всего безмолвствовавшего, но и многие верноподданные интеллектуалы вроде Н.И. Надеждина, которые стремились убедить своих соотечественников в том, что без царя, то есть «без священной главы твоей», те полные ничтожества, «ряд нулей» [3], не более того. А поэтому их

оппонентам, которые, подобно П.Я. Чаадаеву, любят свою родину лермонтовской «странною» любовью и свободны от лизоблюдской преданности холопов своему хозяину, следует просто затыкать рты. Для этого и существует цензура (но не только!), зорко охраняющая «государственные формы».

И вторая цитата — в подтверждение первой: «Особенностью России является значительное превалирование в отечественных архивах государственных документов и материалов над источниками личного происхождения» [4].

Так вот, если к волошинскому (в определенной степени пророческому, если иметь в виду то, что случилось после 1924 г.) двестишю подойти уже с учетом приведенных мной высказываний и соображений, то с выводом поэта придется согласиться безусловно [5]. При таком подходе его слова обретают совершенно иной смысл и требуют иного к себе отношения [6]: российская история история человека-творца, то есть история культуры, действительно заслуживает того, чтобы быть признанной страшной и безумной.

А теперь — непосредственно об истории русской культуры в изложении Т.А. Пархоменко. Сразу же хочу сказать, что автор предстает перед нами как блестяще образованный профессионал, тонко чувствующий суть историко-культурального исследования и понимающий в нем толк. Благодаря его в высшей степени эффективным усилиям перед читателем открывается необыкновенно масштабная, широкая и объемная, можно сказать, голографическая картина событий, охватывающих более чем тысячелетний период истории нашей страны. Авторское изложение насыщено многочисленными, очень важными и далеко не всегда хорошо известными даже специалистам фактами, датами и цифрами, а также упоминаниями имен значительных персонажей, без которых история культуры России была бы иной, нетривиальными характеристиками многих из них; серьезными, позволяющими более точно и полно судить как о первых, так и о вторых суждениями авторитетных деятелей культуры, и в первую очередь историков; наконец, содержательными комментариями и размышлениями самого автора по самым разнообразным, в том числе и фундаментальным, проблемам науки о культуре. Касаясь в своем повествовании различных областей последней, Т.А. Пархоменко демонстрирует незаурядную эрудицию, что позволяет ей придать тексту книги неоспоримую разноаспектность, информативность и смысловую насыщенность и тем самым способствовать тому, что на протяжении чтения всей объемной монографии интерес к ней не ослабевает.

В качестве основных тем, на которых, как на трех китах, покоится все монументальное авторское построение, я выделил бы те, что «традиционно» наиболее близки исследователю и на протяжении многих лет разрабатывались им в двух диссертациях, в книгах, предшествовавших рецензируемой, в основных статьях. Во-первых, это, так сказать, история человека в культуре, важнейшей частью которой в нашем случае становится история русской интеллигенции; во-вторых, это роль и место Православной церкви в истории отечественной культуры и, в-третьих,

это процесс зарождения, становления и развития системы образования в России. Этим трем направлениям, в рамках общекультурального процесса прослеживаемым исследователем от самых их истоков, посвящено большинство страниц монографии, к ним же относится и большая часть оригинальных авторских суждений и размышлений. Исходя из этого, но не имея возможности осуществить детальный анализ монографии, я хотел бы остановиться на двух в наибольшей степени заинтересовавших меня вопросах.

Однако перед этим, как мне кажется, нужно попытаться понять, какими соображениями руководствовался автор, давая своей книге название «Культура без цензуры». (Правда, замечу, что, с одной стороны, исчерпывающий ответ на этот вопрос данная работа просто не смогла бы вместить [7], а с другой кое-что по этому поводу уже было сказано выше.) Указывая на то, что в отечественной истории излишнюю и часто определяющую роль играла идеология, автор совершенно верно описывает тот механизм, который безотказно позволял (и позволяет) получать желаемые прежде всего для существовавшей на данный исторический период власти и обслуживающей ее группы идеологов (сделанное замечание касается отнюдь не только советского периода отечественной истории) результаты: «...сначала вводятся определенные положения, считающиеся базовыми, а потом под них подгоняются факты, признанные доказать их верность. А факты, которые опровергают тот или иной заранее утвержденный постулат и портят величественную картину парадной истории, просто не учитываются и отбрасываются как что-то случайное и ненужное» [8]. Иначе говоря, здесь уже действует не просто цензура, но работает самая настоящая «фабрика мифов», деятельность которой нередко контролируется прообразом (или подобием) оруэлловского министерства правды. «Именно поэтому, констатирует историк, мы никогда не учимся на своих ошибках, поскольку прячем, скрываем и не изучаем их» [9]. Точнее не скажешь!

Последнюю фразу Т.А. Пархоменко я вообще считаю ключевой ко всей книге. С ней как раз и связан первый вопрос, на котором я хотел бы остановиться. Произнеся ее, автор «по умолчанию» фактически поставил перед собой задачу создать «учебное пособие» по изучению исторических ошибок. Значимость подобного подхода для отечественной культуры переоценить трудно. С целью уточнения сказанного приведу слова историка А.Л. Янова, который писал, что «...у России не одна, а две одинаково древние и легитимные политические традиции. Европейская (с ее гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрицанием государственного патернализма). И патерналистская (с ее провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о «мессианском величии и призвании»)» [10]. Однако суть проблемы заключается в том, что первая традиция (правда, если она существовала в действительности, а не только в воображении ученого) заглохла в самом зародыше, как максимум в XVI в., а вторая цвела (и ее цветение продолжается) пышным цветом на протяжении всей русской истории. Борьба с ней, вероятно, бессмысленно. Но знать о ней и понимать ее вредоносное для страны и ее народа значение

необходимо. Вот, по большому счету, именно об этой-то тенденции подробно, аргументированно и смело пишет Татьяна Александровна.

«По традиции», человек, говоривший об ошибках, имевших место в истории России, либо признавался юродивым, то бишь сумасшедшим (а с юродивого что взять?), либо его высказывания подобного рода просто сдавались в «спецхран», оставаясь по сути дела неизвестными «непосвященным», тиражированию же подвергались высказывания прямо противоположного характера (которые всегда имелись в наличии, и даже в избытке), либо его пребывание в стране становилось невыносимым и вскоре заканчивалось — хорошо, если «путешествием» на каком-нибудь «философском параходе», хуже, если ссылкой или, более того, смертью в застенке. Нечто подобное происходило и с «екатерининским вольтерьянцем» А.Н. Радищевым, и с автором «Философических писем» П.Я. Чаадаевым, и с испытывавшим странную любовь к России М.Ю. Лермонтовым, и с русским европейцем А.И. Герценом, и со множеством других выдающихся деятелей русской культуры, а также простых граждан, в судьбах которых огромную (конечно, отрицательную) роль сыграла цензура, которая охраняла государство и губила живущего в нем человека. Осознание трагичности существования творческой личности в отечественной культуре заставило уже цитировавшегося М.А. Волошина бросить фразу: «Горькая детоубийца Русь!» («На дне преисподней», 1922). Книга Т.А. Пархоменко — это, по большому счету, документированное подтверждение обоснованности приведенного восклицания.

Автор прекрасно показывает, как чувствовал себя в стране человек, имевший собственное мнение, когда оно входило в противоречие с властями — как государственными, так и церковными. Еще раз обращаясь к книге А.Л. Янова, в той же степени, что и Т.А. Пархоменко, не терпящего цензуры и любящего свою страну той самой лермонтовской любовью, приведу отмечаемый им «беспрецедентный факт»: «...при Иване III предпочитали почему-то люди с Запада бежать в “тоталитарную Московию”, тогда как после самодержавной революции 1565-го столь же неудержимо устремились они обратно на Запад» [11]. Однако даже критически настроенный Янов, как мне кажется, приукрашивает действительность, поскольку нижнюю временную границу начала списка интеллектуальных потерь Руси-России нужно было бы передвинуть, как минимум, на несколько десятилетий назад: например, эрудит Максим Грек, добровольно прибывший на Русь в 1518 г., затем четверть века провел здесь в тюрьме лишь за «недопустимое» желание иметь и выражать собственное мнение, а еще до 1565 г. бежали из страны Андрей Курбский, Федосий Косой, Иван Федоров, Мстиславец... Обо всем этом также довольно подробно рассказывается в монографии.

Для перечисления имен всех тех, кто, обладая собственной точкой зрения, «не уместившейся» в рамки цензуры, в последующие века был вынужден покинуть Россию или был отправлен в ссылку либо лишен жизни, потребовались бы тома. А теперь представим себе, что сбежавшие от преследований со стороны власти или ею уничтоженные ее же оппоненты остались бы в стране, продолжая жить и творить на ее же благо! Дух захватывает от мысли о том, каких высот могла бы

достичь отечественная культура! И об этом тоже пишет Т.А. Пархоменко. Суть происходившего разъяснена ею так: «Частноправовое понятие о государе как о хозяине-вотчиннике, который нуждается лишь в милости Божией, а “наставления человеческого не требует”, то есть власть его абсолютна и государство принадлежит ему как собственность, просуществовало в России с теми или иными ограничениями в определенные периоды истории вплоть до начала XX века. Оно сформировало и особую политическую культуру русской власти “культуру колонизатора-временщика”, которая взаимодополнялась “культурой терпения” русского народа» [12]. Уточню: обозначенную автором хронологическую границу, безусловно, также нужно было бы передвинуть на несколько десятилетий, правда, в данном случае уже по направлению к нашему времени.

Второй особо заинтересовавший меня и получивший бесцензурные ответы автора вопрос это роль во всем происходившем на протяжении последнего тысячелетия Русской православной церкви. Не отрицая ее заслуг, не смешивая религию как духовное явление и церковь как социальный институт, автор доказательно и непредвзято пишет о том безусловно негативном влиянии, которое последняя оказывала на жизнь простого народа, на развитие отечественной культуры, на отношение Руси-России с Западом и т.д. Об этом же, кстати, писал и А.Л. Янов, касаясь, правда, лишь средневекового периода русской истории. Так, после монгольского нашествия «...церковь, бывшая на протяжении почти всего колониального периода фавориткой завоевателей, завладела в результате третью всего земельного фонда страны и, главное, неумолимо продолжала отнимать у правительства все большую его долю» [13], а «охранительные» ее действия в области культуры (середина XVI в.) исследователь объяснял тем, что ей «...нужно было отрезать страну от Европы» [14]. Наглядные, яркие и документированные примеры того, как все это происходило на самом деле, и не только в XVI, но и в предыдущие и в последующие столетия, можно найти в книге Т.А. Пархоменко.

Продолжая в том же духе, я мог бы дать еще немало положительных оценок рецензируемой монографии. Однако, чтобы не вступать в противоречие ни с самим собой, ни с автором, остановлюсь и на подмеченных мной недостатках, оговорившись, что не исключаю, что таковыми они могли показаться только мне. Так, автор пишет: «...именно со времен Петра I в России появились две культуры, два мировоззрения, мироощущения или, если хотите, менталитета: культура народная и культура элитарная, между которыми в течение более чем двух веков постоянно существовало напряжение, доходившее до противостояния и борьбы» [15]. По схеме это верно, но по сути, на мой взгляд, — нет, поскольку народная культура, естественно, была и до Петра, а появившаяся в России элитарная первоначально никак не могла быть названа национальной, поскольку практически все в ней было заимствовано у Запада. Другое дело, что разрыв между той культурой, которая в новорожденной империи стала духовной пищей верхов общества, и культурой народной действительно был огромен. И лишь в XIX в., с профессионализацией художественной деятельности, с появлением некоего подобия отечественного среднего класса и его дальнейшим укреплением, это пустовавшее пространство стало заполняться разнообразными переходными и связующими «верх» и «низ» формами.

Пишет автор и о том, что «...русская культура решительно вступила на путь общеевропейского развития и постепенно освободилась от оков средневековой схоластики» [16]. Однако я полагаю, что, во-первых, русская культура никогда не ощущала на себе «оков средневековой схоластики», поскольку, за отсутствием в ее истории последней, освобождаться ей было просто не от чего, а во-вторых, то, что русская культура, в отличие от западноевропейской, не получила интеллектуальной «прививки» схоластикой с моей точки зрения, совершенно незаслуженно унижаемой, опять же на мой взгляд, принесло ей гораздо больше вреда, чем пользы.

Рассказывая уже о прошлом веке, Т.А. Пархоменко пишет, что «в 1955 году после четвертьвекового забвения вышли в свет “Дни Турбиных” и “Последние дни” Михаила Булгакова, за ними последовало издание романа Владимира Дудинцева “Не хлебом единым”, потом вышла повесть Александра Солженицына “Один день Ивана Денисовича” и так далее» [17]. Однако беда как раз в том, что «и т.д.» практически не последовало. После кратковременной «оттепели», которую и оттепелью-то назвать трудно, если вспомнить хотя бы «случившиеся» в то же время будапештские события 1956 г. или новочеркасский расстрел рабочих (1962), начались «морозы», которые довольно устойчиво держались вплоть до с грохотом провалившейся «перестройки».

Излишне смелым представляется мне авторское утверждение о том, что картина «Фрина на празднике Посейдона в Элевсине» художника Г.И. Семирадского (1889) «спустя полвека ляжет в основу массовой культуры» [18], поскольку, во-первых, вряд ли вообще правомерно составлять список произведений, якобы являющихся «базисными» для этого исключительного социокультурального явления (тем более называя их в единственном числе), а во-вторых, зарождение массовой культуры началось значительно раньше, чем через полвека после 1889 г. Еще одно замечание, вызвавшее мое несогласие, гласит, что «модернизм проложил путь авангардизму» [19]. Однако далее сам автор признает, что авангардизм нельзя рассматривать в качестве определенного направления в искусстве. Значит, тем более он не мог сменить модернизм, поскольку в начале XX столетия последний сам выполнял роль художественного авангарда.

В качестве общего замечания хотелось бы также сказать о том, что книгу можно было бы освободить от некоторых необязательных, с моей точки зрения, рассуждений и материалов. Тем более учитывая ее более чем солидный объем. Так, перегруженным мне показалось «Введение», которое из-за излишнего количества затронутых в нем вопросов, напрямую все же не относящихся к теме монографии, не в полной мере выполнило свою роль введения в проблему. Как мне представляется, излишне много внимания было уделено автором рассказу о протестантизме [20], в то время как практически ничего не было сказано о таком важном для русской культуры художественном явлении, как модерн. Наконец, мне кажется, что восприятие довольно длинных глав книги могло бы быть облегчено делением их на подглавы, подразделы, параграфы.

Рецензируемая книга написано хорошим языком, читается легко и, как уже было сказано, с увлечением. Тем обиднее, что автору не удалось избежать целого ряда необъяснимых неточностей. Так, в ней приведен несколько своеобразный список членов «Могучей кучки», в который не попали Н.А. Римский-Корсакова и Ц.А. Кюи, зато почему-то оказался включен П.И. Чайковский [21]; не получивший высшего образования В.И. Ленин совершенно неправомерно назван юристом [22]; рассказывая о А.П. Чехове-драматурге, автор называет МХТ МХАТом [23], хотя «звание» академического театр получил только в 1919 г., т.е. через 15 лет после смерти Чехова; примерна та же ошибка связана с названием Петрограда 1922 года Ленинградом, хотя город был так назван только в 1924 г. [24]. Однако, как мне кажется, в этих ошибках, которые, безусловно, практически никак не сказываются на содержании монографии и ее качестве, вина не только автора, но и редактора, работа которого, даже несмотря на положительную оценку качеству текста, данную мной в начале настоящего абзаца, могла бы быть гораздо более эффективной. На одном уровне с ним, к сожалению, оказался и корректор, пропустивший слишком много явных опечаток.

Завершая эту рецензию, хочу обратить внимание на то, что в истории России, в истории ее культуры имело место немало серьезных предупреждений, фактически обращенных к грядущим поколениям. Радищев, Чаадаев, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Ф. Сологуб, Волошин, Замятин, Платонов и немногие другие как бы говорили своим соотечественникам (текст, естественно, мой собственный, т.е. абсолютно произвольный): «Будьте бдительны! Перестаньте повторять “халва”, поскольку это не избавит ситуацию от присущей ей горечи! Цените личность! Задумайтесь об уже совершенных и повторяющихся ошибках и воздайте должное не только великим создателям отечественной культуры, но и ее страшным разрушителям, даже если они и рядились в костюмы ее защитников и спасителей!».

Вынося за скобки художественные и иные достоинства, которыми (безусловно) обладают сочинения перечисленных выше великих писателей и которых (вероятнее всего) рецензируемая монография, лишена (что, естественно, отнюдь не следует ставить в упрек ее автору), я, тем не менее, смело мог бы поместить ее в один ряд с подобного рода предупреждениями о трагических для страны последствиях тех эпох, когда идеология и цензура мешают народу адекватно воспринимать собственное прошлое и серьезно задумываться о будущем. Рецензируемая монография это призыв к тому, чтобы калечащая не только и даже не столько исторические факты, сколько души наших сограждан внешняя цензура была наконец-то замещена неким духовным ограничителем (поскольку, хотя культура это свобода, она не имеет ничего общего со вседозволенностью), находящимся внутри каждого из нас и не позволяющим нам опускаться ниже того уровня, за которым попросту исчезает человек — единственный создатель культуры.

Сможем ли мы услышать эти предупреждение и призыв автора, покажет будущее.

Замечу, что предыдущие призывы большинством из нас оказались неслышанными. Об этом однозначно свидетельствует настоящее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пархоменко Т. А.* Культура без цензуры : культура России от Рюрика до наших дней. М. : Кн. клуб Книговек, 2010. С. 8.

[2] Там же. С. 6. Попутно хочу привести суждение о России великого русского архитектора Ф. Б. Растрелли (которому, кстати, как и К. Росси, Дж. Кваренги, А.Н. Воронихину, в книге уделено до обидного мало внимания): «Архитектора здесь ценят только тогда, когда в нем нуждаются». Книга Т.А. Пархоменко уточняет: отнюдь не только архитектора.

[3] <Два ответа Надеждина Чаадаеву> // *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М., 1989. С. 550.

[4] *Пархоменко Т. А.* Указ. соч. С. 8.

[5] Я совершенно отчетливо осознаю, что с М.А.Волошиным, Т.А.Пархоменко и мной будут не согласны как «маленькие винтики», так и современные надеждыны. Но это уже их дело.

[6] При этом не следует все же забывать, что, в отличие от М.А. Волошина, Т.А. Пархоменко в своей монографии не останавливается на 1924 годе. И это, как мы все понимаем, очень существенно.

[7] В качестве одного из близких к авторскому разъяснений значения цензуры в отечественной культуре можно указать на мнение о том, что, например, «критерием Ломоносова и Татищева стало могущество России. И понимали они его не как благополучие ее граждан, не как процветание ее культуры и уж тем более не как ограничения самодержавной власти, но как способность к устрашению мира» (См.: *Янов А.Л.* Россия : У истоков трагедии, 1462–1584 : заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 340).

[8] *Пархоменко Т. А.* Указ. соч. С. 7.

[9] Там же.

[10] *Янов А.Л.* Указ. соч. С. 31.

[11] *Янов А.Л.* Указ. соч. С. 95. А ведь это бегство, к великому несчастью всего нашего народа, продолжается и по сей день!

[12] *Пархоменко Т. А.* Указ. соч. С. 146.

[13] Янов А.Л. Указ. соч. С. 49.

[14] Там же. С. 55.

[15] Пархоменко Т. А. Указ. соч. С. 239-240.

[16] Там же. С. 224.

[17] Там же. С. 572 (курсив мой. — К. А.).

[18] Там же. С. 340.

[19] Там же. С. 411.

[20] Там же. С. 175–187.

[21] Там же. С. 335.

[22] Там же. С. 419.

[23] Там же. С. 408.

[24] Там же. С. 440.

© Акопян К. З., 2012.

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2012 г.

Акопян Карен Завернович,

доктор философских наук, профессор

главный научный сотрудник, Российский институт культурологии (Москва),

e-mail: nerak-akop@yandex.ru

UDC 930.85(47)(049.32)

Акопян К.

**THE TRAGEDY OF THE CREATIVE PERSONALITY
OR A HISTORY OF RUSSIAN CULTURE
REVIEW OF THE BOOK BY TATIANA PARKHOMENKO**

Abstract. The author analyses the book titled *Culture Without Censorship: Culture of Russia from Rurik to Our Days*, which is dedicated to the periods, moments, and situations crucial in Russian history. The

professionalism, thoroughness and consistency of the book's author are highlighted. The reviewer underlines that the content of the study complies with the book title and analyses the author's approaches to the history of the Russian Orthodox Church, historical development of education in Russia, as well as the occurrence and formation of intelligentsia.

Key words: culture, Russian culture, history of culture, history of the Russian Orthodox Church, Russian education, intelligentsia, the Russian art, Soviet art, culture of the Russian Abroad, anti-Soviet culture

Akopyan Karen Zavenovich,

Doctor in Philosophy, Professor,

Principle Researcher, Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: nerak-akop@yandex.ru